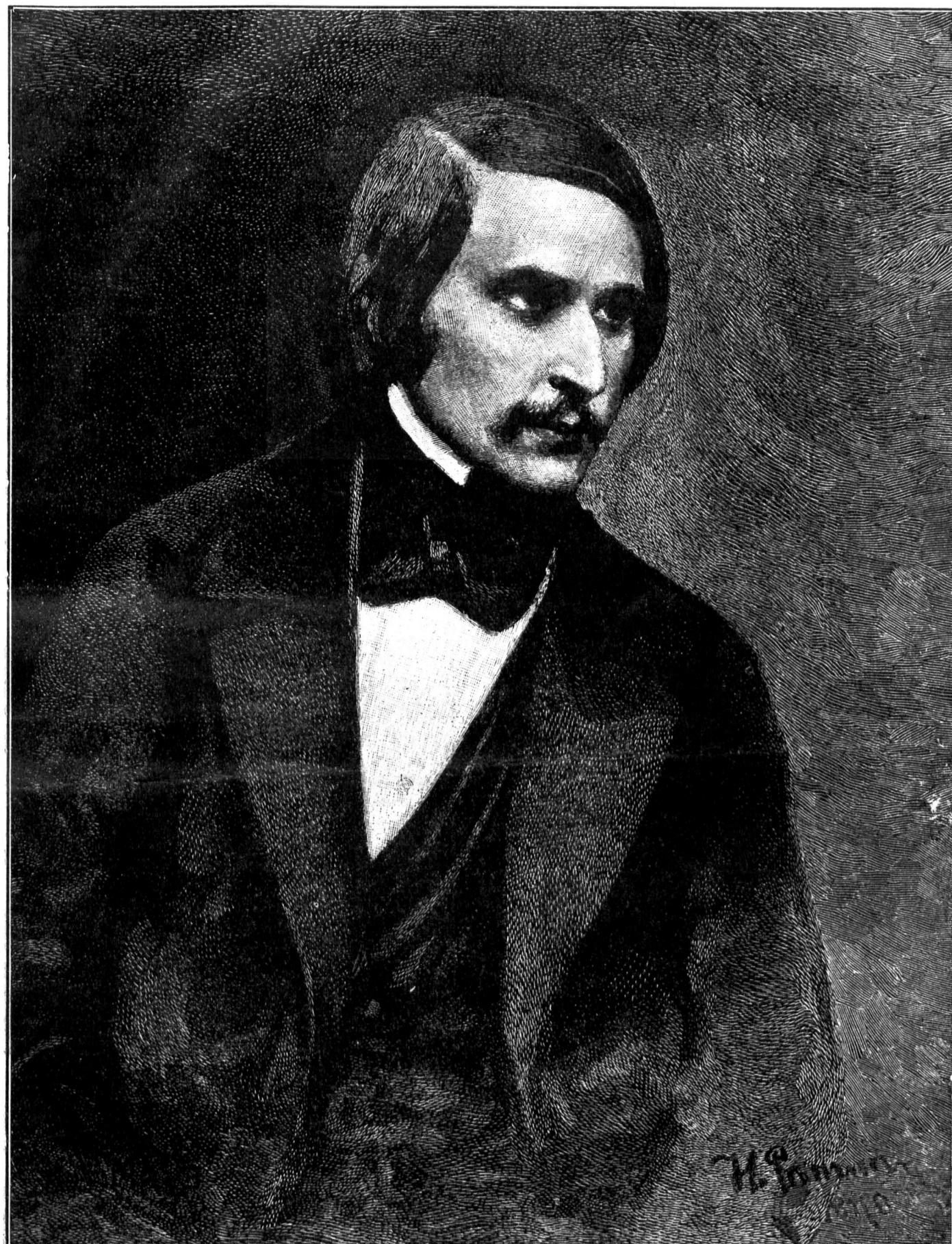

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Пятница, 20-го Марта 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ къ № 9641.

Николай Васильевич Гоголь.

По случаю столѣтія со дня его рождения (20 марта 1809—1909 г.)

**Къ столѣтію со днія рождения
Н. В. Гоголя 1809 ^{III} 1909 г.**

(Слова канаты, которая будеъ исполнена уча-
шимися городскихъ училишъ у памятника 20-го
марта с. г.).

Въ день ста лѣтъ со днія рождения
Мы вѣнокъ тебѣ несемъ
И въ сердечномъ умилены,
Гимнъ сложивъ, тебѣ поемъ!

Чѣмъ же ты вѣнокъ лавровый
И бессмертие стяжалъ?—

Это тѣмъ, что смѣхомъ новымъ
Къ новой жизни нась возвзвалъ.

Всѣхъ заставилъ оглянуться,
Глубже въ души заглянуть,
Духомъ бодро встрепенуться,
Тѣнь и слабости стряхнуть...

Смѣхъ, не прежній—рабскій,
гадкій,

Не фиглярскій—шутовской,
Сонъ нарушилъ „тихій—сладкій“

И безпечный нашъ покой,—
Горскій смѣхъ, слезамъ подобный,
Пролилъ ты надъ всей страной...
Вопль души великой, скорбной
Идеалъ!

Ты великъ не въ полѣ бранномъ,
Не мечемъ враговъ сразилъ:
Въ боѣ мирномъ, въ боѣ слав-
номъ

Смѣхомъ зло ты побѣдилъ!...

Пусть же знаютъ въ цѣломъ мірѣ,
Какъ мы свѣтъ и разумъ читимъ,
Какъ твоей подругѣ—Лирѣ
Благодарность мы даримъ!...

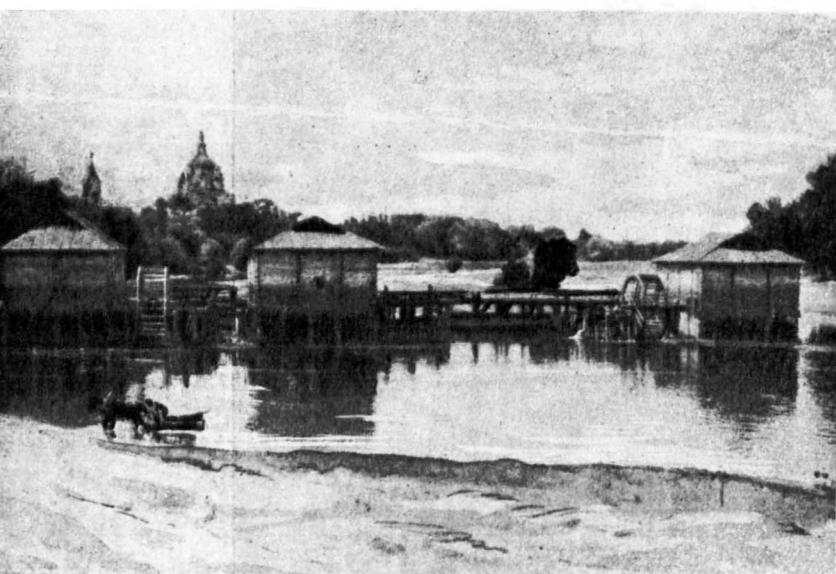
Слава, Гоголь незабвенны!
Слава, славный нашъ поэтъ.
Слава, умъ проникновенный!
Слава, правда! Слава, свѣтъ!!!

В. И. Усенко.

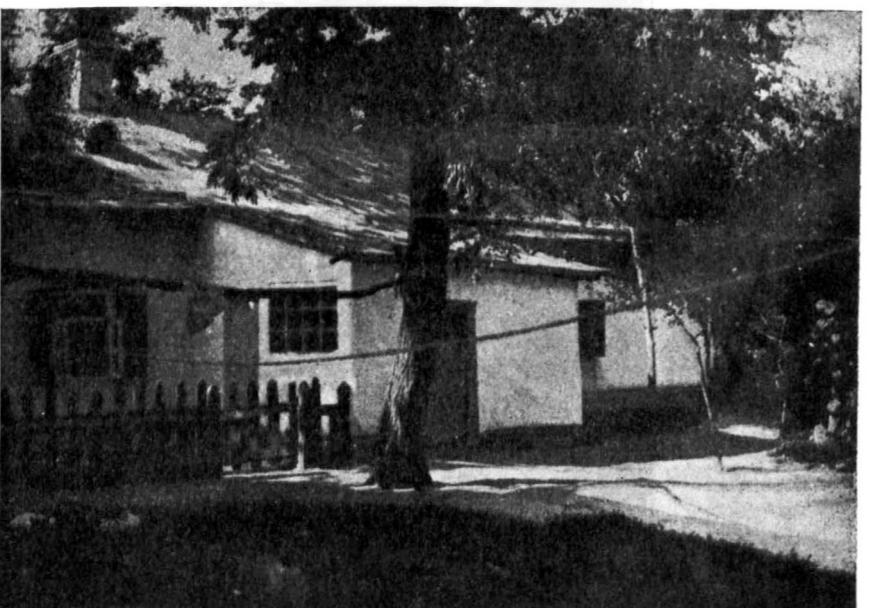

М. И. Гоголь.

Мать Николая Васильевича, съ портрета конца 40-хъ годовъ.

Родина Гоголя, м. Сорочинцы.
Рѣка Псель, вдали—Преображенская церковь.

Домъ Гоголя въ м. Сорочинцы.
Нынѣ принадлежитъ А. С. Яресько.

**Афоризмы и отрывки изъ сочи-
нений Н. В. Гоголя.**

Смѣхъ—великое дѣло: онъ не отни-
маетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ
нимъ виновный, какъ связанный
заяцъ... Несправедливы тѣ, которые
говорять, будто смѣхъ возмущаетъ!

Возмущаетъ только, что мрачно, а
смѣхъ свѣтель. Многое бы возмутило
человѣка, бывъ представлено въ на-
готѣ своей; но, озаренное силою смѣ-
ха, несетъ оно уже примиреніе въ ду-

шу. Тотъ, кто понесъ бы мщеніе про-
тивъ злобного человѣка, уже почти
мирится съ нимъ, видя осмѣянными
низкія движенія души его.

Творецъ! какъ еще прекрасенъ Твой
міръ въ глупи, въ деревушкѣ, вдали
отъ подыхъ большихъ дорогъ и го-
родовъ!

Увы! толстые умѣютъ лучше на
этомъ свѣтѣ обѣльвать дѣла свои,
ижеки тоненькие. Тоненькие служить
больше по особымъ порученіямъ, или

Пятница, 20-го Марта 1909 года.

только числятся, и виляютъ туда и
сюда; ихъ существованіе какъ то
слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ
ненадежно. Толстые же никогда не за-
нимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а все
прямые, и ужъ если сядутъ гдѣ, то
садутъ надежно и крѣпко, такъ что ско-
рѣе мѣсто затрещитъ и угнетется подъ
ними, а ужъ они не слетятъ.

О, это коварное существо женщины!
Я теперь только постигнуль, что та-
кое женщина. До сихъ поръ никто
еще не узналь, въ кого она влюблена.
Я первый открыль это. Женщина влюблена въ черта. Да, не шутя. Фи-
зики пишутъ глупости, что она то и то,
она любить только одного черта.

Для большо гнѣвъ большаго на-
слажденія, какъ встрѣтиться тоже съ
больнымъ и наговориться съ нимъ до
сыта о своихъ болѣзняхъ. Они гово-
рятъ объ этомъ съ такимъ наслажде-
ніемъ, съ какимъ говорятъ только
обжоры о съѣденныхъ ими блюдахъ.

Искусство уже въ самомъ себѣ за-
ключаетъ свою цѣль. Стремленіе къ
прекрасному и высокому—вотъ иску-
стство. Это непремѣнны законъ иску-
стства; безъ этого искусство—не иску-
стство. А потому ни въ какомъ случаѣ
не можетъ быть оно безнравственно.
Оно стремится непремѣнно къ добру,
положительно или отрицательно: вы-
ставляеть ли намъ красоту всего луч-
шаго, что ни есть въ человѣкѣ, или
же смѣется надъ безобразiemъ всего
худшаго въ человѣкѣ.

Пятница, 20-го Марта 1909 года.

Всякій человѣкъ есть
куликъ, и если вытащить
нось, то непремѣнно за-
грузить хвостъ. Это да-
же нужно для того, что
бы онъ не слишкомъ по-
ды малъ свой нось и
помнилъ бы ежеминутно,
что онъ дрянь!

Журнальная литература эта живая, свѣжая, говор-
ливая, чуткая литература, такъ же необходима въ
области наукъ и худо-
жествъ, какъ пути сооб-
щенія для государства,
какъ ярмарка и биржи
для купечества и торгов-
ли. Она ворочаетъ вку-
сомъ толпы, обращаетъ и
пускаетъ въ ходъ все вы-
ходящее наружу въ книж-
номъ мірѣ, и которое безъ
того было бы въ обоихъ
смыслахъ мертвымъ ка-
питаломъ. Она—
быстрый, свое-
нравный размѣръ
всебоющихъ мнѣ-
ний, живой разгово-
ръ всего тисни-
мого типографски-
ми станками; ея
голосъ есть вѣр-
ный представитель
мнѣній цѣлой эпо-
хи и вѣка,—мнѣ-
ний, безъ нея бы
исчезнувшихъ без-
гласно. Она волею
и неволею захва-
тываетъ и увлекаетъ
въ свою об-
ласть девять де-
сятыхъ всего, что
дѣлается принад-
лежностью лите-
ратуры. Сколько
есть людей, кото-
рые судятъ, гово-
рятъ и толкуютъ
потому, что всѣ
сужденія поднесены имъ почти готовыя,
и которые сами отъ себя вовсе
не толковали бы, не судили, не гово-
рили.

Редакторъ всегда долженъ быть
виднымъ лицомъ, на немъ, на ориги-
нальности его мнѣній, на живости его
слога, на общепонятности и общеза-
нимательности его языка, на постоян-
ной свѣжей дѣятельности его основы-
вается весь кредитъ журнала.

Я, признаюсь, не понимаю, для чего
это такъ устроено, что женщины хва-
таютъ нась за нось такъ же ловко,
какъ будто за ручку чайника; или ихъ
руки такъ созданы, или носы наши ни
на что болѣе не годятся.

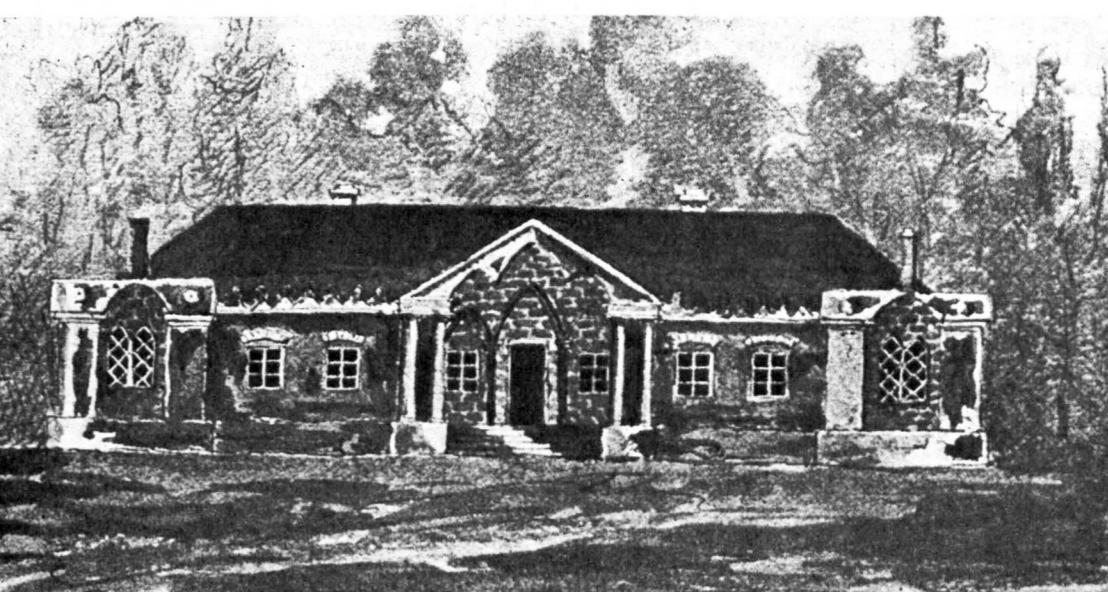
Женщинѣ, сами знаете, легче поцѣ-
ловаться съ чертомъ, не во гнѣвѣ
будь сказано, нежели назвать кого
красавицей.

Стоитъ только хорошенъко выстрада-
ться самому, какъ уже всѣ страда-
ющіе становятся тебѣ понятны, и поч-
ти знаешь, что нужно сказать имъ.
Страданіями и горемъ опредѣлено
намъ добывать крупицы мудрости, не
пріобрѣтай въ книгахъ.

Для таланта есть потомство, этотъ
неподкупный ювелиръ, который оправ-
ляетъ одни чистые брилліанты.

Нѣжинская гимназія кн. Безбородко,
въ которой воспитывался Н. В. Гоголь.

Старый господскій домъ въ с. Василевѣ,
въ которомъ жилъ Н. В. Гоголь юношей. Снимокъ съ собственноручного акварельного рисунка Н. В. Гоголя.

страстъ наша? И не только страсть, даже пустая, пошлая какая-нибудь привычка такъ ловко передъ нами вывертывается и оправдывается, что еще почетней ее за добрѣтель и даже похвастаешься передъ своимъ братомъ и скажешь ему: „Смотри, какой у меня чудесный го-
родъ, какъ въ немъ все прибрано и чисто!“

Нѣть, господа, всѣ, кто
ни держится такого мнѣ-
нія, бросьте вашу свѣтскую
совѣсть! Не съ Хлеста-
ковымъ, но съ настоя-
щимъ ревизоромъ огля-
немъ себѣ! Клянусь, ду-
шевный городъ нашъ
стоитъ того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ
добрый государь о своемъ государствѣ.

Грустно и даже горестно видѣть вблизи состояніе
Россіи, но, впрочемъ, не слѣдуетъ объ этомъ говорить. Мы должны
съ надеждой и свѣтлымъ взо-
ромъ смотрѣть на будущее, которое
въ рукахъ милосердаго Бога.

Гоните роскошь, у же и это благородное дѣло, оно
же притомъ не требуетъ ни сути, ни издержекъ; не пропускайте ни
одного собрания и бала, пріѣзжайте именно затѣмъ,
чтобы показаться въ одномъ и томъ же платьѣ; три, че-
тыре, пять, шесть разъ надѣвайте
одно и то же платье. Хвалите на всѣхъ
только то, что дешево, просто. Словомъ, гоните эту гадкую сѣверную
роскошь, эту изувию Россию, источницу
взяточъ, несправедливостей и мерзот-
остей, какія у насъ есть.

Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его (Акакія Акакіевича) видѣли все на
одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой долж-
ности, тѣмъ же чиновникомъ для
письма, такъ что потомъ уѣхали, что онъ, видно, такъ и родился на
свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ
вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ.

Драма живетъ только на сценѣ.
Безъ нея она—какъ душа безъ тѣла.

Въ извѣстныя эпохи одна хорошая
книга достаточна для наполненія всей
жизни человѣка.

Господи, Боже мой! За что такая
напастъ на насъ грѣшныхъ! И такъ
много дряни на свѣтѣ, а ты еще и
жинокъ наплодилъ!

.....

Однъ изъ лучшихъ минутъ въ жизни моеи были тѣ, когда я, наконецъ, клалъ на бумагу то, что выносиль долговременно въ моихъ мысляхъ.

Съ русскимъ ли человѣкомъ не надѣлать добра на всякомъ поприщѣ! Да его стоитъ только хорошенъко попрекнуть, называвъ его бабой и хомякомъ, загнать ему знакомую поговорку и сказать, что вотъ, де, говоритъ нѣмецъ, что русскій человѣкъ ни на что не годенъ,—какъ изъ него уже въ мигъ сдѣлается другой человѣкъ.

Поэту болѣе слѣдуетъ углублять самую истину, чѣмъ препираться объ истинѣ. Слово наше должно быть благостно, если оно обращено лично къ кому-нибудь изъ нашихъ братій. Нужно, чтобы въ стихотвореніяхъ слышался сильный гнѣвъ противъ врага людей, а не противъ самыхъ людей.

Англичанинъ есть человѣкъ довольно высокого роста, который садится всегда довольно свободно, поворотившись спиной къ дамѣ и положивши одну ногу на другую.

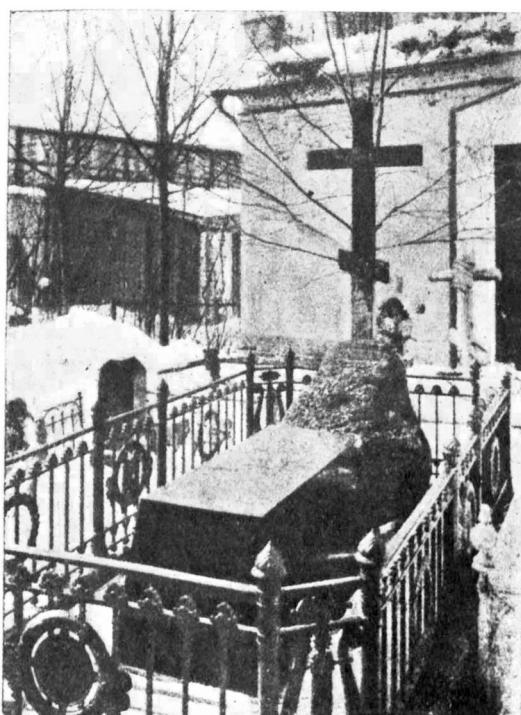
Русскаго человѣка, покуда не разсердишь, не заставиши заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку и требовать, чтобы авторъ попотчевалъ его чѣмъ-нибудь примиряющимъ съ жизнью. Бездѣлица! Какъ будто можно выдумать это примиряющее съ жизнью.

Поди ты, сладъ съ человѣкомъ! не вѣрить въ Бога, а вѣрить, что если почешется переносъ, то непремѣнно умретъ; пропустить мимо созданіе поэта, ясное, какъ день, все проникнутое согласіемъ и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, гдѣ какойнибудь удалецъ напутаетъ, наплетесть, изломаетъ, выворотитъ природу, и ему оно понравится, и онъ станетъ кричать: „Вотъ оно, вотъ настоящѣе знаніе тайнѣ сердца!“ Всю жизнь не ставить въ грошъ докторовъ, а кончится тѣмъ, что обратится, наконецъ, къ баѣ, которая лечить зашептываніями и заплевками, или, еще лучше, выдумаетъ самъ какой-нибудь докторъ, которая, Богъ знаетъ почему вообразится ему именно средствомъ противъ его болѣзни.

Коли человѣкъ влюбится, то онъ все равно, что подошва, которую коли размочишь въ водѣ, возьми, согни—она и согнется.

Если васъ одолѣваетъ тоска—это все дѣло нашего общаго пріятеля-черта. Бейте эту длинно-хвостую скотину по мордѣ. Дайте грусти киселя да еще съ пришлепкой.

Глупость составляетъ особенную прелестъ въ хорошенькой женѣ. По

Могила Н. В. Гоголя
въ Даниловскомъ монастырѣ, съ новой решеткой, поставленной городомъ Москвой.

Памятникъ Н. В. Гоголю въ Харьковѣ.

крайней мѣрѣ, я зналъ много мужей, которые въ восторгѣ отъ глупости своихъ женъ и видять въ ней всѣ признаки младенческой невинности. Красота производить совершенныя чудеса. Всѣ душевные недостатки въ красавицѣ, вмѣсто того, чтобы произвести отвращеніе, становятся какъ то

необыкновенно привлекательны; самый порокъ дышитъ въ нихъ миловидностью; но исчезни она—и женщина нужно быть въ двадцать разъ умнѣе мужчины, чтобы внушить къ себѣ если не любовь, то, по крайней мѣрѣ,уваженіе.

Въ лиризмѣ нашихъ поэтовъ есть что-то такое, чего нѣть у поэтовъ другихъ націй, именно—что-то близкое къ библейскому,—то высшее состояніе лиризма, которое чуждо увлеченій страстныхъ и есть твердый возletъ въ свѣтѣ разума, верховное торжество духовной трезвости.

Изъ театра мы сдѣлали игрушку, вродѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми заманиваютъ дѣтей, позабывши, что это такая кафедра, съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ; гдѣ, при торжественномъ блескѣ освѣщенія, при громѣ музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается знакомый прячуційся порокъ и, при тайномъ голосѣ всеобщаго участія, выставляется знакомое, робко скрывающееся, возвышенное чувство.

Бѣдные крестьяне въ потѣ лица работаютъ на насъ, а мы, щѣя ихъ хлѣбъ, не хотимъ даже взглянуть на труды рукъ ихъ. Это безбожно. Оттого и наказываетъ насъ Богъ, насылая на насъ голодъ, невзгоды и всякия болѣзни, лишая насъ даже и скучныхъ доходовъ. Жестоко наказываются цѣлые поколѣнія, когда, позабывъ о томъ, что они въ мірѣ затѣмъ, чтобы трудами снискивать хлѣбъ и въ потѣ лица воздѣлывать землю, приведутъ себя въ состояніе бѣлоручекъ. Все тогда, весь міръ идетъ навыворотъ.

... Непонятною тоскою уже загорѣлась земля: черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаеть, мелѣтъ, и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигающей съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. *Боже!* пусто и страшно становится въ Твоемъ міре!

